

Для Ше Цзе, чьё воображение вечно бурлило и не знало границ, этот жест Фан Чаоцы выглядел как чистейшей воды вызов.

— Неужели в его глазах я безмозглый дуралей со слабой головой? — Ше Цзе мгновенно пустил в ход услышанное когда-то забавное словцо. Сам он толком не смыслил, что именно за орган там в черепе отвечает за координацию, но какая разница? Воображение у него работало исправно. — Он же прямо намекает, что я тупица!

Что значит его «на всякий случай»? А то, что Фан Чаоцы заранее прописал ему новые падения! Но хуже всего — Ше Цзе ведь и впрямь грохнулся. В третий раз за день! Если так пойдёт и дальше, тело чего доброго привыкнет: увидит Фан Чаоцы и само собой повалится на землю. От одной мысли о таком позорном будущем бросало в дрожь.

—... — старый управляющий лишь выразительно промолчал.

— Тут дело принципа! Я ему докажу, что со мной шутки плохи! — громогласно провозгласил наследник Ше, давая себе великий обет проучить наглеца.

В этот момент в гостиную как раз заглянул Ше Саньэр — один из четырёх братьев-близнецов. Прослышав краем уха о грозных намерениях молодого господина, он даже не стал расспрашивать, в чём суть, а сразу заговорщически подмигнул и с жаром поддержал:

— Правильно, покажи ему!

Когда кто-то тебе не мил, то любое его действие вызывает лишь досаду. Даже самое невинное приветствие покажется издёвкой, скрывающей сотню-другую коварных смыслов. Вот и Ше Цзе теперь воспринимал любые жесты Фан Чаоцы исключительно сквозь призму этого глухого недоверия.

— Полно вам, давайте без крайностей, — раздался примирительный голос Ше Сяосы, самого неугомонного из близнецов, который вошёл следом за старшим братом. — Всё можно решить миром.

Сегодня Ше Сяосы превзошёл сам себя, и перепутать его с братом было невозможно. В причёску он умудрился воткнуть на редкость кричащий пятицветный бальзамин. Овальные листики, зонтиковидное соцветие, нежно-жёлтая сердцевина и розовато-белые края — буйство красок заставляло усомниться в здравомыслии владельца. И ладно бы девица какая, но перед ними стоял статный детина богатырского сложения, с суровым лицом, крупным носом и вьющимися у корней волосами, на макушке у которого красовался этот пёстрый, аляповатый бутон...

Ше Саньэр молча отвернулся. Зрелище столь пагубно влияло на зрение, что смотреть на брата без содрогания он просто не мог. Пожалуй, это было величайшим проявлением братского милосердия, на какое он только был способен.

Ше Цзе подобной деликатностью не отличался. Он согнулся пополам от хохота, тыча в близнеца пальцем:

— Ты что, уморить меня вздумал, чтобы прибрать к рукам моё поместье?!

Ше Сяосы обиженно надулся. Возвышаясь посреди залитой солнцем залы, он захлопал ресницами и проговорил с глубокой тоской в голосе:

— Молодой господин, да вы на улицу-то выйдите! В Великой династии Ци сейчас ни один уважающий себя мужчина без цветка в волосах не покажется!

— Ну я же не ношу, — фыркнул Ше Цзе.

Хотя он и любил щегольнуть, неизменно оказываясь на пике моды, повальное увлечение цветами обходил стороной. Он наотрез отказывался носить даже знаменитые изумрудные листья и золотые цветы, дававшие право беспрепятственно входить во внутренние покои дворца, предпочитая полагаться исключительно на свою узнаваемую физиономию. Что уж говорить о бесполезных сорняках ради баловства.

— Так у вас красота природная, вам и без украшений хорошо, — заворковал Ше Сяосы, напоминая сейчас распустившего хвост павлина, от которого за версту веяло недвусмысленными склонностями. — А нам, обделённым небесной милостью при рождении, приходится навёрстывать упущенное своими силами.

— Что, неужто закрутил роман с двадцать четвёртым по счёту? — Ше Цзе закинул в рот сочную дольку золотого мандарина Цзянси.

Если бы Ше Цзе спросили, чем так хороша жизнь в Цзянзо, он бы без колебаний ответил: здешние золотые мандарины Цзянси стоят сушие гроши, хоть плачь от радости. В Великой династии Ци этот фрукт считался редким деликатесом — всё из-за его покойного дяди, императора Жэнь-цзуна, который питал к нему слабость. Из-за трудностей доставки через горы и реки, а также из-за повального желания знати лакомиться тем же, чем и сам Гуаньцзя, цены на эти мандарины в столице взлетали до небес. И лишь оказавшись в Цзянзо, Ше Цзе с удивлением обнаружил, что здесь они не стоят почти ничего.

Яркие, сладкие с лёгкой кислинкой плоды полюбились Ше Цзе ещё в детстве, когда он рос при дворе Жэнь-цзуна. И пусть теперь он знал им красную цену, старая привычка никуда не делась.

Это была не просто любовь к еде, а целая философия. Ше Цзе искренне верил: привязанность, которая не зависит от стоимости и престижа вещи, и есть самая чистая, настоящая любовь.

— Что вы, что вы, ни в коем случае! — замахал руками Ше Сяосы. — Я ведь человек строгих

устоев. У нас с двадцать третьим ещё далеко не всё кончено, как я могу смотреть на сторону? Это же чистой воды предательство!

«Двадцать третий?»

Ше Цзе на секунду задумался, а когда вспомнил, о ком речь, едва не поперхнулся мандариновой косточкой:

— Что, неужели Люлан из соседней усадьбы снизошёл до разговора с тобой?

— Ну... мы ведь соседи, — расплылся в самодовольной ухмылке Ше Сяосы. — А соседи должны помогать друг другу.

— Молодой господин, не слушайте вы этого прохвоста, — вставил Ше Саньэр с неприкрытым презрением к ужимкам брата. — Никакой дружбой там и не пахнет, он просто подлизывается, надеясь подобраться поближе. Даже барышень так глупо не обхаживают!

— А ты уверен, что у самого Люлана помыслы чисты? — усмехнулся Ше Цзе.

«Это наверняка очередной заговор Фан Чаоцы!»

Был ли это заговор Фан Чаоцы?

Разумеется.

И сомневаться не приходилось.

Бедный Люлан, глотая слёзы обиды, вынужден был водить дружбу с этим неотёсанным громилой, чей язык колот больнее иголок, а вкус в одежде заставлял содрогаться. Несчастный юноша стойко терпел все невзгоды, утешая себя мыслью, что совершает великий подвиг, внедряясь в логово врага!

Пока Ше Цзе читал нотации Ше Сяосы, призывая того думать головой, а не тем, что пониже спины, и не поддаваться на сладкие уловки противника, Ше Саньэр отвёл старого управляющего в сторонку. Понизив голос, он поведал о последних новостях, которые ему удалось разузнать. Вдовствующая императрица Не благополучно прибыла в Цзянзо и прошлой ночью в боковом приделе Зала Великого Торжества разрешилась от бремени двойней. Новорождённая императорская принцесса оказалась прелестна, наследник — крепок и здоров, все трое чувствовали себя прекрасно. Гуаньцзя не стал оглашать официальный указ, а тайно отправил шаоцина Фана с посланием, дабы не раскрывать истинное положение дел раньше времени.

Старый управляющий понятиливо кивнул. Несколько туманных, полунамёками брошенных фраз ему вполне хватило, чтобы составить полную картину и сообразить, как действовать дальше.

Как и следовало ожидать, разобравшись наконец с амурными делами Ше Сяосы, молодой господин вспомнил о новорождённых племянниках.

— Что обычно любят младенцы? — озабоченно спросил он. — Надо успеть всё приготовить до того, как невестка вернётся с детьми.

Сам Ше Цзе был ещё слишком молод, чтобы испытывать искренний трепет перед пищащими кулками — по сути, он и сам во многом оставался сущим ребёнком. Его нежность к новорождённым была лишь отражением глубокой привязанности к двоюродному брату.

— Её Величество только оправилась от родов, ей положен покой, да и малютки слишком слабы для дальней дороги. Пройдёт не меньше пары-тройки месяцев, прежде чем они смогут пуститься в путь, — успокаивающе заговорил старый управляющий. — А если ударят морозы да дороги покроются льдом, то и вовсе придётся ждать до весны. Так что спешить нам некуда.

Старый управляющий умел заговорить зубы молодому господину. Он нарочно ушёл от прямого ответа о сроках, поскольку и сам понятия не имел, когда великая старшая принцесса закончит свою войну.

Ше Цзе согласно кивнул и легко переключился на другое. Разумеется, он радовался рождению племянников, но без личного знакомства привязанности взяться было неоткуда, а потому и скорой встречи он не ждал с замиранием сердца.

Вдруг спохватившись, он повернулся к близнецу:

— Погоди, а ты-то зачем ко мне шёл?

Ше Саньэр скорчил унылую мину:

— Из родового гнезда опять гости пожаловали.

Лицо Ше Цзе тут же вытянулось от досады:

— Опять?!

Родня есть родня. Даже если родство — седьмая вода на киселе, кровные узы не перерубишь. Не пристало Ше Цзе, приблизившись к императорскому престолу, воротить нос от провинциальных сородичей. Позволь он себе подобную наглость, матушка первая бы взялась за

подошву домашней туфли и отходила его по первое число.

— Ну ладно, веди их сюда, да и поминальную табличку отца тоже прихвати, — вздохнул Ше Цзе. Переходить в другое место ему было лень, поэтому он решил устроить судилище по этим мелким семейным дразгам прямо здесь, в гостинной.

Спустя пару мгновений в залу, вцепившись друг другу в воротники, шумно ввалились «истец» и «ответчик». Оба так и пылали боевым задором. По иронии судьбы, оба тоже украсили головы цветами разных оттенков, отчего их соперничество выглядело ярче, чем клумбы в саду Ше Цзе. Один заискивающе величал его «дорогим племянником», другой усердно кликал «дедушкой-благодетелем», соревнуясь в ласковых обращениях, хотя взгляды их метали настоящие громы и молнии.

При виде этой парочки у Ше Цзе голова пошла кругом — ведь они только-только наносили визит на праздник Чжунъюань!

Тогда они так отчаянно ругались на своём местном диалекте, что Ше Цзе не разобрал ни единого слова. Он вырос на севере, его детство прошло в окружении столичного говора Юнцзи или, на худой конец, певучих северных диалектов, а нежный южный говор усян оставался для него китайской грамотой. Даже прожив на юге три года и регулярно слушая перебранки сородичей, он по-прежнему чувствовал себя слепым котёнком.

Хуже всего было то, что эти двое — ровесники по возрасту, но разделённые несколькими поколениями в семейном древе — отличались невероятным пылом. Едва закончив словесную дуэль перед поминальной табличкой Ше Хэ, они упорно пытались изъясняться на ломаном столичном наречии, умоляя Ше Цзе рассудить их по совести.

Ше Цзе подпёр подбородок ладонью, изо всех сил стараясь вникнуть в суть их претензий. Увы, единственное выражение, которое он отчётливо разобрал, было крепким местным ругательством. Что ни говори, а чужие ругательства люди всегда схватывают на лету. Ше Цзе невольно погрузился в размышления: они бранятся уже битый час, но до драки дело так и не дошло. Какая всё-таки огромная пропасть лежит между южанами и горячими северянами!

— Ну скажите же, разве я не прав? — взмолился один из спорщиков.

— Да-да, конечно, — безучастно кивнул Ше Цзе, витая в облаках.

— Вот и славно, решено!

Ше Цзе оцепенел.

«Постойте... Что?! Что решено? Я же ничего подобного не имел в виду!»

<http://bllate.org/book/19472/1988372>